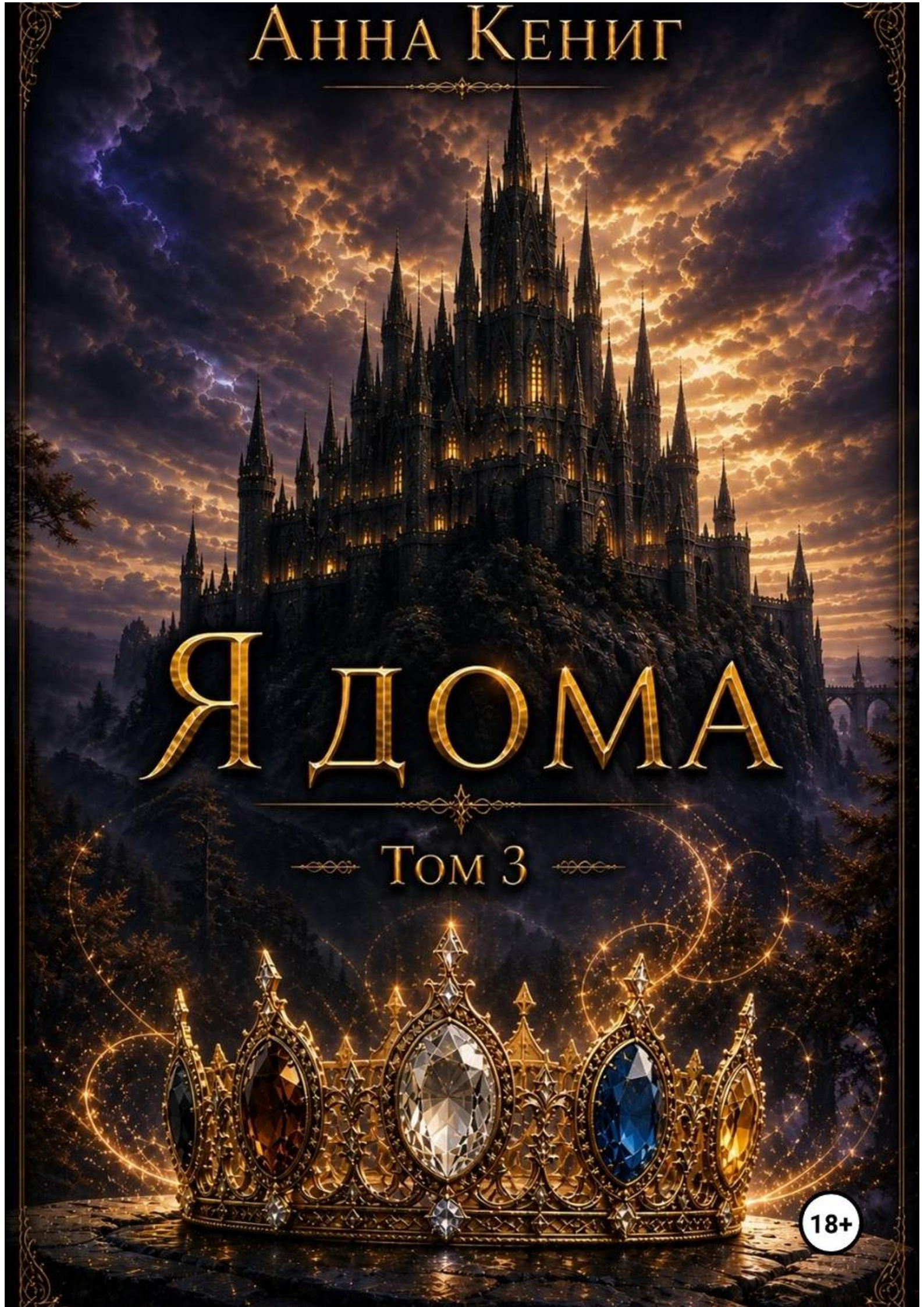
Анна Кениг

Я дома

Том 3



18+

Анна Кениг

Я дома. Том 3.

«Автор»
2026

Кениг А. А.

Я дома. Том 3. / А. А. Кениг — «Автор», 2026

Тени Агатгарда сгущаются, а древняя магия пробуждается там, где её никто не ждал. Анни, теперь должна защищать то, что обрела. Но прошлое не отпускает: бывшие любовники, древние тайны и призраки предательства встают на пути. А на горизонте — война, которая может стереть с лица земли всё, что ей стало дорого.Ставки выше, чем когда-либо. Любовь становится оружием, а доверие роскошью. Третья книга цикла о том, что иногда, чтобы спасти дом, нужно пройти через ад.

© Кениг А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Анна Кениг
Я дома. Том 3.

Глава 1

Дом. А есть ли у дома цена?

Когда ты только ищешь, кажется, что цена не важна. Отдал бы что угодно, лишь бы добраться. Лишь бы наконец выдохнуть.

Но вот ты внутри. Дверь закрылась. Ты слышишь, как на кухне гремит чайник. Рядом дышит кто-то родной. И вдруг понимаешь: дом — это не финал поисков. Это начало нового счёта.

Цена дома — это не деньги и не ремонт. Это твоё согласие быть уязвимым. Раньше ты мог сорваться в любой момент, уехать, исчезнуть. Теперь не можешь. Вернее, можешь, но не хочешь. Потому что знаешь: твоё отсутствие оставит дыру не в стене, а в чьём-то вечере.

Цена дома — это привычка возвращаться. Даже если устал или обижен. Даже если кажется, что тебя не понимают. Ты всё равно переступаешь порог. Потому что именно здесь твоё сердце бьётся ровнее.

И когда ты наконец находишь свой дом — не стены, не адрес, не город, — а тех, ради кого ты готов на всё это, ты понимаешь: самое страшное не в том, чтобы искать. Самое страшное — это потерять.

Потому что дом — это не крепость. Дом — это люди, за которых ты держишься, даже когда земля уходит из-под ног.

Ведь порой цена дома — это ты сам. Прежний. Тот, кем ты был до того, как нашёл своих.

Ты уже нашёл свой дом?

А на что ты готов, чтобы его сохранить?

*****

Прикосновение. Тёплое, осторожное, почти невесомое. Чьи-то пальцы гладили мою руку, едва касаясь, словно боялись разбудить, но не могли перестать убеждаться, что я всё ещё тёплая и живая.

Я хотела улыбнуться. Хотела повернуться, открыть глаза и сказать ему, что я здесь, я никуда не ушла.

Но, прежде чем я успела, прикосновение исчезло. Рука отдёрнулась так резко, будто обожглась.

Я заставила веки разлепиться. Свет резанул по глазам, вынудив зажмуриться, но я переборола себя.

Надо мной склонилась Кларис. Я смотрела на неё и не верила своим глазам. Больше полгода она пролежала в постели. Бледная, можно сказать прозрачная, с лицом, которое каждый день становилось всё более чужим, неживым. А теперь... Щёки не впалые, не серые, а с лёгким румянцем, как если бы она только что вернулась с прогулки. Кларис выглядела так, словно ничего и не было. Будто смерть лишь небрежно коснулась её плеча и прошла мимо, передумав.

Её ресницы дрогнули, когда наши взгляды встретились. Она замерла на долю секунды, проверяя, в самом ли деле я здесь, действительно ли смотрю на неё. Кларис сидела на краю кровати, подобрав под себя ноги, и делала вид, что её рука просто лежала на колене. Что она меня не касалась. Что ей вообще нет до меня никакого дела. Исток, как же я её люблю. И как же она бесит.

— Очнулась, — констатировала она тоном, которым сообщают, что за окном идёт дождь.

Я собиралась ответить, но из горла вырвался только хрип. Сухой, ломкий, как треснувшая ветка. Голова раскалывалась. Магия внутри отзывалась на каждое движение тупой, ноющей болью, словно её вырвали из глубокого сна и теперь она не понимала, где находится и что от неё хотят. Больно. Ей больно. Моей магии больно. Как такое возможно?

Кларис вздохнула. Потянулась к тумбочке, налила воды в стакан. Протянула мне, но с таким видом, будто делает мне огромное одолжение, снисходя до моей беспомощности.

— Пей. А то будешь хрипеть, как ворона старая. Мне потом слушать эти твои «кар-кар» за ужином.

Я приняла стакан. Вода расплёскивалась, как мои мысли, но я сделала несколько глотков. Стало легче. Вода была прохладной, чистой, и она смывала ту противную сухость, что скопилась во рту. Надо будет запомнить: умирать, это очень обезвоживает.

— Сколько? — прохрипела я.

— Два дня, — Кларис пожала плечами, будто речь шла о паре часов. — Дрыхла, как сурок. Я уже думала, ты решила побить мой рекорд.

Целых два дня, пока я спала, а мир вокруг не сбавлял хода. Два дня, пока Блейкард... Я оборвала мысль. Не сейчас. Сначала понять, что происходит, живы ли все.

Кларис отвернулась к окну, скрестила руки на груди. Вся её поза кричала: «Мне всё равно, мне скучно, я здесь случайно». Но я заметила, как она покусывает губу. А её взгляд то и дело возвращается ко мне, сканирует, проверяет.

Она волнуется. По-настоящему волнуется. И ненавидит себя за это. За эту трещину в броне, которую она так старательно выковывала годами. Бедная Кларис. Влюбилась в мачеху. Как неловко.

— Папочка места себе не находил, между прочим, — добавила она небрежно. — Не хотел, чтобы ты оставалась одна. Пришлось мне тут сидеть, развлекать тебя своим обществом.

— Развлекать? — я слабо усмехнулась. — Ты даже не разговаривала.

— А ты не жаловалась, — парировала Кларис. — Значит, качество развлечения устраивало.

Логика безупречная. Спорить бесполезно.

— Блейкард?.. — я попыталась приподняться на локте, но тело не слушалось.

— Ой, да лежи ты, — Кларис поморщилась и легонько, толкнула меня обратно в подушки. Этот жест был таким быстрым, что я бы могла его не заметить, если бы не ждала. — Жив твой король. Разбирается с подарком.

— Каким подарком?

— Тем самым, — Кларис отвела взгляд. — От Титарха. Конверт до сих пор не вскрыли, ждут тебя. Абигейл сказала, что послание может быть магическим, и лучше, чтобы ты была рядом. Вдруг там что-то про твой камень.

Конверт. Подарок. Титарх. И слуга, который его принёс. Я только очнулась, а меня уже ждут. Ни минуты покоя. Королевская жизнь — сплошные дедлайны.

— А слуга?.. — спросила я тихо.

Кларис поджала губы. Её пальцы на мгновение сжались в кулак.

— Мёртв. Аби сказала, кто-то использовал его как проводник. Проник в разум и... — она щёлкнула пальцами. — Выжег дотла.

Этот парень мертв, я даже имени его не знала, просто нёс конверт. Просто делал свою работу. А Титарх, его магия и бездушная воля, раздавил мальчишку, как муху. Даже не ради информации. Ради послания. Ради того, чтобы напугать нас. Или просто потому, что он был расходным материалом, о котором никто не вспомнит. А я буду вспоминать. Потому что это из-за меня. Из-за того, кто я есть. Сколько их ещё будет?

Кларис продолжала говорить, а я заставила себя дышать.

— Луциен рвётся искать того, кто это сделал. Никс его еле держит. Представляешь, этот псих уже собирался в одиночку в Гранатар переться.

В её голосе проскользнуло что-то... нежность? Беспокойство? Спрятанное за привычным сарказмом.

— Ты зачем меня касалась? — спросила я вдруг, глядя на Кларис в упор.

Она дёрнулась, как от пощёчины.

— Что?

— Руку мою гладила. Пока я спала.

Кларис вспыхнула. Настоящая краска залила её бледные обычно щёки. Она резко отвернулась, уставилась в стену, но я успела заметить, как дрогнули уголки её губ. Попала. Сейчас начнётся.

— Показалось, — буркнула она себе под нос. — И вообще, ты бредила. Дёргалась. Я проверяла, не сдохнешь ли ты прямо тут, пока папочка по делам бегает. Мне потом отчитываться перед ним, если что. Он, знаешь ли, когда волнуется, становится невыносимым. Ходит по коридорам, тени вокруг него так и пляшут, все слуги разбежались. Пришлось взять эту почётную обязанность на себя.

— Скучала?

Она резко обернулась.

— Скучала? Я? По тебе? — Кларис фыркнула так громко, что это прозвучало почти обидно. — Ты себе льстишь, Анни.

— Поэтому ты гладила меня?

— Я... это... — Кларис замялась, и это было так на неё не похоже, что я не смогла сдержать улыбки. — Проверяла пульс! Вдруг ты там уже того... А я отвечай потом. И вообще, хватит допросов!

— Спасибо, — Я слабо улыбнулась.

— Спи давай, — буркнула она, отворачиваясь. — Набирайся сил. Завтра будет тяжёлый день. А твой король, обещал, что как только ты очнёшься, мы все соберёмся и обсудим, что делать с этим... — она скривилась, — подарком.

— Не хочу спать, — я сделала усилие и села. Тело заныло, голова закружилась. — Нужно умыться.

— Ты уверена? — спросила она.

— Уверена, — я осторожно спустила ноги с кровати.

Кларис не мешала. Но я чувствовала её пристальный, напряжённый взгляд. Она следила за каждым моим движением, готовая в любой момент подхватить, если я начну падать. Я медленно встала. Пошатнулась. Кларис шагнула вперёд, но остановила себя, сжав руки в кулаки.

Ну давай, Кларис. Подойди. Обними. Покажи, что тебе не всё равно. Но нет, ты же у нас гордая.

— Справлюсь, — сказала я, делая первый шаг к умывальнику.

И справилась. Дошла. Умылась холодной водой, чувствуя, как возвращается ясность. Магия внутри всё ещё ныла, но уже не так отчаянно. Она успокаивалась вместе со мной. Мы с ней, кажется, учимся жить вместе. Прогресс.

Когда я вернулась к кровати, Кларис стояла у двери. Поджав губы, всем своим видом показывая, что она уже уходит и вообще её здесь почти нет.

— Кларис, — позвала я.

Она замерла.

— Спасибо.

Она дёрнула плечом.

— Ты уже говорила.

— За то, что была рядом.

Кларис молчала долгую секунду. Потом медленно повернулась. В её глазах плескалось что-то сложное. Сейчас. Сейчас она скажет что-то важное. Я чувствую.

— Спасибо, — сказала она тихо, глядя куда-то в сторону. — За воскрешение.

Она перевела на меня взгляд. Короткий, острый, но в нём не было привычной колючести.

— Я серьёзно. Ты... — она запнулась, подбирая слова. — Ты меня вернула. Я это помню. Смутно, но помню. Твою силу. Свет. И как ты... отдавала. Ради меня.

— Кларис...

— Не перебивай, — она подняла руку. — Я не умею говорить красиво. Не умею... благодарить. Но ты знай. Я это помню.

Она помолчала. А потом её лицо снова приняло привычное, язвительное выражение.

— Но как относиться к другому твоему подарку — я хрен знает. Ты мне жизнь спасла, и я теперь должна быть с этим... с Владимиром? — она скривилась, произнося его имя. — Это какое-то издевательство. Ты не находишь?

Ох, Кларис. Если бы я знала и понимала, почему судьба так странно переплела наши нити… Что мне ей ответить? Что я сама в шоке не меньше? Это какой-то сюрреализм. Я живу в сюрреализме.

И теперь как мне на неё смотреть? Как на подругу, которую я спасла, но чья жизнь теперь связана с моим прошлым, от которого я так старательно открещивалась? Как на дочь Блейкарда?

Или как на ту, кто не виновата. Совсем. Не выбирала эту связь, не просила её, не хотела. Так же, как я не хотела, чтобы моя душа оказалась в этом мире. Как Блейкард не хотел терять Элари. Как Никс не хотел, чтобы его сестра умирала. Никто из нас не выбирал.

— Кларис, — я наконец нашла голос. — Я не знаю, как это всё работает. Почему он. Я так же растеряна, как и ты.

Она посмотрела на меня. В её глазах не было злости, только усталость.

— Ты его ненавидишь? — спросила она.

Ненавижу? Владимира?

Нет. Не ненавижу. Это слово слишком сильное, слишком горячее для того, что я чувствую. Я злилась. Я была унижена. Но ненависть...она требует сил, которых у меня уже не осталось. Я устала ненавидеть. Устала бояться. Но сказать ей это? Сказать, что я не ненавижу мужчину, который предал меня, а потом появился в моём новом доме и чуть не разрушил всё, что я построила? Что я злюсь, но не могу желать ему смерти, потому что он спас Кларис? Что он стал частью нашей жизни, и я не знаю, как с этим жить?

— Нет, — ответила я тихо. — Не ненавижу.

— Жаль, — Кларис усмехнулась, но усмешка вышла кривой. — Было бы проще.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Кларис уже развернулась к двери.

— Кларис, — окликнула я. — Ты куда?

Она обернулась уже с порога. В полумраке её силуэт казался почти невесомым, но в глазах горел знакомый, озорной огонёк.

— Пойду найду вино и Луциена, — ответила она так, будто сообщала о самом важном решении в своей жизни. — Рассказ о последних событиях от него будет однозначно интереснее, чем от Абигейл. Луциен хоть приврёт красиво.

Я невольно улыбнулась, возвращаясь в постель, глядя, как она уже берётся за ручку двери. Дверь приоткрылась, впуская полоску света из коридора. Кларис сделала шаг наружу, и я уже собралась откинуться на подушки, когда до меня донеслось её тихое, но отчётливое бормотание:

— И вообще... никаких больше запретов на вино для меня в этом королевстве. Поняли? Ни-ка-ких.

Дверь за ней закрылась, но в коридоре ещё долго слышались удаляющиеся шаги и приглушённое, но довольное:

— Вино... Луциен... идеальный вечер.

Я осталась одна, глядя на закрытую дверь и чувствуя, как внутри разливается странное, тёплое чувство.

Спасибо за воскрешение. Эти три слова стоили всех её колкостей. Всех язвительных замечаний, всех её «ой, да ладно». Она правда благодарна. Она правда волнуется, правда... любит. По-своему, колюче, неловко, но любит.

В груди пульсировала магия — тихо, устало. Она не требовала, не просилась наружу. Просто... была. Напоминала, что я жива. Что Кларис жива. И что это, возможно, важнее всего остального.

Откинувшись на подушки, закрыла глаза. И подумала: «Может быть, именно в этом и есть семья? Не в красивых словах и нежных объятиях. А в том, что кто-то сидит у твоей постели два дня, гладит по руке, пока ты спишь, а потом делает вид, что это была проверка пульса.»

Я полежала ещё немного, прислушиваясь к тишине. Кларис ушла, но в комнате всё ещё витал её запах. Те самые духи с нотками цитруса и чего-то пряного, от которых у Никса начиналась мигрень. Я улыбнулась, вспоминая, как она однажды случайно пшикнула ими в его сторону, и он чихал потом полдня, а Кларис делала вид, что это был несчастный случай, хотя по её довольно прищуренным глазам всё было ясно.

Мысли текли медленно, лениво, как горный ручей в летний зной. Я почти задремала, когда дверь снова открылась. Ну наконец-то. А то я уже начала думать, что придётся идти его искать.

Я не открывала глаз. Я знала это дыхание. Знала, как он умеет появляться в комнате так, будто был здесь всегда, просто прятался в тенях. Удобно, между прочим. Никогда не знаешь, в какой момент он материализуется за спиной.

Кровать прогнулась под его весом. Тёплая ладонь легла на мою щеку.

— Я знаю, что ты не спишь, — прошептал он. Голос был низким, чуть хриплым, и в нём слышалась такая усталость, что у меня сердце сжалось.

Я открыла глаза.

Блейкард сидел на краю кровати, склонившись надо мной. Тени залегли под его зелеными глазами, на скулах играли желваки. Он был бледен. Волосы, обычно аккуратно уложенные, сейчас были растрепаны. Тёмные пряди падали на лоб, и мне стоило огромных усилий не запустить в них пальцы. Красивый, даже когда выглядит так, будто его переехало стадо ригги. Нечестно. Это просто нечестно, быть настолько красивым, когда ты выглядишь как живое воплощение слова «разруха». У простых смертных в таком состоянии нос распухает, глаза заплывают, и вообще хочется умереть. А у него аристократическая бледность и этот взгляд… бездонный, тёмный, прожигающий насквозь. И где справедливость?

— Привет, — прошептала я.

Он не ответил. Вместо этого он наклонился и прижался лбом к моему лбу. Закрыл глаза. Просто сидел так, дышал моим дыханием, и я чувствовала, как через нашу связь льётся облегчение. Страх. Любовь.

Я провела пальцами по его горячей щеке. Под пальцами чувствовалась жёсткая щетина — он даже не брился.

— Два дня, — выдохнул он. — Два дня, Анни.

— Я знаю. Кларис сказала.

— Она не спала. Всё это время сидела рядом, пока я... — он запнулся. — Пока я не мог.

Кларис не спала? Кларис, которая готова сутками валяться в постели с книжкой и бокалом? Ничего себе. Надо будет ей потом сказать спасибо. В смысле, ещё раз. Ну, или купить вина. Много вина.

— Ты как? — спросила я, гладя его щеку.

— Я? — Блейкард издал короткий смешок, и тот прозвучал надтреснуто. — Я два дня не спал, почти не ел и каждую минуту прислушивался к нашей связи, боясь, что она оборвётся.

— Оборвётся?

— Когда ты там... когда ты спасала Кларис, — он провёл рукой по лицу, будто стирая воспоминания. — Твоя нить погасла. Я чувствовал.

Значит, я была там. По-настоящему. Я вспомнила тот белый мир. Абсолютную пустоту. Я была одна. Совсем одна. А потом появился Танат. Он стоял передо мной, как всегда, невозмутимый, вечный, и смотрел своими бездонными глазами. Я не помнила, о чём мы говорили. Или он вообще ничего не говорил? Я умерла? Или почти умерла? Танат пришёл не просто так. Он приходит, когда… Я не стала додумывать.

— Я справилась, — сказала я, беря руку Блейкарда в свои. — Видишь? Живая. Почти целая. Даже дышу.

— Почти, — он сжал мои пальцы. — У тебя кровь шла носом. Ты не дышала несколько минут. Я думал...

— Ну не умерла же.

— Анни, — его голос дрогнул. — Пожалуйста. Не шути. Не сейчас.

Я замолчала. Потому что в его глазах действительно стояли слёзы. Не пролитые, но близко, очень близко. И как после этого шутить?

— Прости, — прошептала я, касаясь его лица. — Я здесь. Я никуда не делась.

Блейкард перехватил мою ладонь, прижался к ней губами. Закрыл глаза. Поцеловал запястье, потом ещё раз, ещё.

— Не смей больше, — прошептал он.

— Не буду, — пообещала я, хотя мы оба знали, что это обещание ничего не стоит, как клятва, данная под дулом пистолета. Война только начиналась. Морна где-то собирает камни. Титарх шлёт подарки. А моя магия, судя по всему, будет ещё не раз ставить меня на колени.

Но сейчас я могла пообещать. Хотя бы для того, чтобы он перестал так смотреть.

Блейкард лёг рядом. Просто лёг, притянул меня к себе и уткнулся лицом в мои волосы. Его руки обвили мою талию. Я могла бы лежать так вечность. Чувствовать его тепло, руки. Забыть о конверте, о Титархе, о Морне, о камнях, о войне. Но война не забудет о нас. Упрямая сволочь.

— Блейкард, — начала я, уткнувшись носом ему в шею. — Там конверт. Что в нём? Титарх что-то требует? Морна объявилась? Кларис сказала, что ждут меня, чтобы вскрыть...

— Тш-ш-ш, — он прижал палец к моим губам. — Не сейчас.

— Но…

— Завтра, — он чуть отстранился, заглянул мне в глаза. — Завтра на совете. Мы соберём всех. И обсудим. Всё, что знаем. Всё, что придёт в конверте. Каждый план, каждую угрозу, каждую возможность. Завтра.

— А сегодня?

— А сегодня... — он провёл пальцем по моей линии подбородка, по шее. — Сегодня я не король Агатгарда.

— О, правда?

— Сегодня я просто мужчина, который два дня не спал, потому что боялся, что ты не проснёшься, — прошептал он, с такой нежностью, что у меня в душе всё затрепетало. — Который до сих пор не верит, что ты здесь.

— Могу ущипнуть, если хочешь, — предложила я. — Для доказательства.

Он улыбнулся. Впервые за всё время.

— А ты просто женщина, которую я люблю больше жизни, — он коснулся губами моего виска. — Моя королева.

— Звучит... официально, — я приподняла бровь. — Это приказ?

— Это факт, — он прижался лбом к моему лбу. — Ты моя королева. Здесь и сейчас. И завтра. И всегда. Даже если ты будешь задавать сто тысяч вопросов, когда я хочу просто лежать и чувствовать тебя рядом.

— Всего сто тысяч? — уточнила я. — А я думала, миллион.

— Анни.

— Хорошо. Молчу. Но вообще-то я хотела спросить...

Он закрыл мне рот поцелуем. Нежным, долгим, таким, от которого у меня мысли разбежались в разные стороны.

— Вопросы? — спросил он, отстраняясь.

— Какие вопросы? — выдохнула я. — Я уже ничего не помню.

— Вот и правильно.

Я рассмеялась и прижалась к нему, чувствуя, как его руки снова обвивают меня, притягивая ближе. Как мир за пределами этой комнаты перестаёт существовать. Мы лежали так долго. В тишине, в полумраке, в тепле друг друга. Он гладил мои волосы, перебирал пряди, касался кончиками пальцев лба, скул, губ.

— Твоя магия, — спросил он вдруг. — Как она?

— Ноет, — призналась я. — Но, когда ты рядом... она успокаивается.

— Хорошо, — он поцеловал меня в висок. — Значит, я буду рядом. Всегда.

— Звучит как угроза, — я зевнула. — Но я согласна.

Он усмехнулся, и этот звук отозвался во мне теплом где-то под рёбрами.

— Блейкард, — прошептала я.

— М-м?

— Я тебя люблю. Знаешь?

— Знаю, — он поцеловал меня в макушку. — Поэтому и не сошёл с ума. И я люблю.

Магия откликнулась тихой, довольной вибрацией. Ей нравилось, когда он рядом. Ей нравилось, когда он говорил такие вещи.

Я снова зарылась носом в его рубашку, вдыхая знакомый запах — лес, дым, горьковатая сладость, от которой у меня кружилась голова. И вдруг, сама не знаю зачем, спросила:

— А он... как?

Блейкард замер. Я почувствовала, как напряглись его мышцы под моими пальцами.

— Кто? — спросил он, хотя прекрасно понял.

— Владимир, — сказала я тихо. — Он жив?

Блейкард молчал. Я чувствовала, как через нашу связь просачивается ревность, которую он так старательно прятал за маской спокойствия. Яд, сочащийся сквозь трещины. Ну вот. Приехали.

— Жив, — ответил он наконец. Голос звучал ровно, но я ощущала, чего ему стоит это спокойствие. — Сидит в отведённых ему покоях. Под присмотром. Ему тоже досталось после того... Лира за ним ухаживает, если тебе интересно.

— Блейкард...

— Я пока не решил, что с ним делать, — перебил он, и в его голосе проскользнула знакомая, жёсткая нота, с которой он отдавал приказы на поле боя. — Честно. Я не знаю.

Я молчала, давая ему выговориться.

— Он спас Кларис, — продолжил Блейкард, и я чувствовала, как трудно ему это говорить. — Я видел. Как он отдавал. Так же, как ты. Для неё.

Блейкард замолчал, провёл рукой по лицу.

— И я не могу... просто игнорировать это. Но и принять его я тоже не могу.

— Блей...

— Он твой бывший, Анни, — выдохнул он, и в этом выдохе было столько всего — боль, ревность, растерянность. — Он был с тобой. Он знает тебя так, как я... хотел бы знать. И теперь он ещё и... — он сжал зубы, не договорив.

— Он не представляет для нас угрозы, — сказала я тихо. — Не сейчас.

— Я знаю, — он закрыл глаза. — Но…

Я коснулась его щеки, заставила посмотреть на меня.

— Блейкард, он для меня уже давно ничего не значит. Не …

— Я ревную тебя к его прошлому, — поправил он. — К тому, что было, чего я не могу изменить. И к тому, что теперь он связан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.